

Во вторую группу входят стихи евангельского содержания: «Рождество Христово», «Избиение младенцев», «Сон Богородицы», «Вознесение Христа». Третью группу составляют стихи о змеборцах - Георгии Победоносце и Федоре Тироне. К следующей группе относятся стихи о первых христианах-мучениках: «Егорий Храбрый и царице Демьянище», «О святом младенце Кирик и матери его Улите», «О великомученице Варваре», «Иоанн-воин» и другие. Популярными были стихи о подвижниках христианской церкви: «Алексей, Божий человек», «Иоасаф и Варлаамий», «Онуфрий».

Следующую группу составляют стихи о чудотворцах: «Агрик и его сын Василий», «О Миколе Угоднике», «Дмитрий Солунский», «Покров». Особую группу составляют стихи о кончине мира и о страшном суде, существовали стихи и о древнерусских святых: «Борис и Глеб», «Александр Невский», «Петр митрополит», «Дмитрий Донской» и другие. Большую группу составляют стихи о праведниках и грешниках: «Два Лазаря», «О блудном сыне», «Плач души грешной», «Про Марию Египетскую» и тому подобные. Большинство из перечисленных стихов имеют множество вариантов.

Тематика духовных стихов, сохранившихся и по сей день, не такая разнообразная, как в средневековый период. Сейчас в христианской сфере в основном бытуют стихи о Богородице, Алексее - Божьем человеке, Николае Угоднике, О грешной душе и страшном суде. Предпочтение отдается евангельским персонажам и событиям: стихи о страданиях Христа, о пророческом сне Богородицы и тому подобные.

Подводя итоги, отметим, что на каждом этапе своего существования и развития духовные стихи в какой-то степени характеризуют состояние духовной культуры народа, его духовных запросов, особенностей и религиозной ориентации. Духовные стихи не представляют собой изолированный круг произведений. Существовая в устном бытовании, они взаимодействовали с былинами, обрядовыми и историческими песнями, подвергаясь их влиянию, и сами оказывали значительное воздействие на них.

Еремкин А.И.

Белгородский государственный университет

НАЧАЛА И ИСТОКИ ХРИСТИАНСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ РУССКОГО НАРОДА И ШКОЛА

Волна раздумий над проблемами русской школы, уходя в глубины древности, наталкиваясь на многочисленные преграды исторического и временного плана, вдруг высветила одну очень яркую мысль. Она связана с вопросом об истоках, началах христианского мирозерцания, которое стало верой нашего народа, крещеного в конце тысячелетнего существования христианства.

В первоначальный период христианская идея была особенно сильна. Церковь долгие столетия являлась оплотом политической, государственной и в том числе образовательной культуры. Для усиления этой мысли мне хочется еще добавить, что христианская идея была методологической основой, опираясь на которую возникали, развивались и достигали определенного результата все усилия образовательного и воспитательного характера.

Одним из древнейших материалов, свидетельствующим об этом, является «Добротолюбие», начавшее создаваться в первые века христианской эпохи и пришедшее к нам, естественно, гораздо позже акта крещения Руси. «Добротолюбие» – это сборник извлечений из письменных трудов тридцати восьми христианских подвижников, чтимых греко-восточной церковью. Сборник состоит из пяти весьма внушительных по размерам томов, содержащих в общей сложности три тысячи страниц.

Это мировоззрение, говоря старинным языком – мирозозерцание, не могло не сказаться на воззрениях как отдельного русского человека, так и в целом, всего народа. Приходило оно к человеку разными путями, разными веяниями: от отцов церкви, от отцов семейства, от других лиц верующего сообщества. И совершалось воспитательное и образовательное воздействие «Добротолюбия» так, как это было до первого официального издания в 1793 году, когда отдельные сочинения подвижников ходили по рукам в рукописных списках, некоторые из них хранились в монастырских библиотеках. Но самое главное, учение христианской церкви в народ несли те миссионеры, священнослужители, которым дано было это учение. Среди них были и те подвижники, учения которых составили многотомный труд – «Добротолюбие».

X-XII века были по многим вопросам религиозного плана годами трудного, напряженного состояния, а может, даже противостояния народа и церкви. Киевская Русь не могла быть примером всей Руси, или всех ее земель. Одной из самых сложных позиций того времени была позиция богоискания, утверждения идеи единого Бога.

Этой позиции соответствовало напряжение, беспокойство, устремленность мысли представителей христианской религии и сомнения, неверия, тяга к старому в мыслях и делах народа. Сказать, что я вижу сплошное единение, будет весьма смелым. А вот разной направленности силы были и это, пожалуй, самое верное, и вполне соответствующее времени, положение. Летопись 988 года свидетельствует об этом же: князь Владимир начал отдавать детей «на учение книжное; матери же чад сих плакаху по них... аки по мертвецам плакахуся» (1, Столб. 118-119, 151-153).

Вот она, история, с истиной и противоречиями. С одной стороны, открытие церковью, приход священнослужителей, создание школ, но в то же время боль душевная у князя: народ-то не приемлет, матери плачут по детям, как по мертвецам. Как сделать, чтобы достичь цели и обошлось как можно спокойнее и безболезненнее? А может, сразу усилием воли, давлением воинов, уничтожением инакомыслящих? Как видно, два пути возможны всегда. Каким же путем пошла Русь? Наверное, оба пути имели место в истории становления христианства.

Проследим это на развитии главной идеи христианской религии – идеи Бога. Бог есть начало, середина и конец всего сущего, утверждает св. Максим Исповедник. Эти три ипостаси Бога проявляются во всем: начало – это Творение, середина – Промысел, конец – Завершение. И все эти дела в одних руках – Божиих. Он – Един во всем, а поэтому Он изначальный, непостижимый и всесильный. Его особенностью является недоступность и непознаваемость. В этом Его тайна, доступная только верующим, ибо познание приходит только через веру, а не через материализацию, к чему склонна наука.

Вера избавляет человека от стремления искать Бога, потому что мы не можем дойти до глубины Божией. Однако частичку Его глубины можем понять, постигая деяния Святых, которые духом своим смогли познать некоторые истины Божественного состояния. Тем более, зачем человеку искать Бога, если он сам сын Божий, созданный по образу и подобию Его. «Не вне самих ищущих должен быть иском Господь, но в себе самих ищущие должны искать Его верою, в делах свидетельствуемую», – указывает Максим Исповедник (2, 239).

Вот она, истина, известная в древнейшие времена, осмысленная авторами «Добротолюбия». Учение Божие, Слово Его и есть путь, которым должны идти люди к добродетели через деятельную жизнь, не уклоняясь от него ни по тщеславию, ни по страсти. «Один и тот же Он есть и путь, и дверь, и ключ, и царствие: путь, как путеводитель; ключ, как отпирающий достойным вход к Божественным сокровищам; дверь, как вводитель; царствие, как наследуемый, и по причастию во всех сущий» (2, 243).

Бог создал человека для того, чтобы он был «подобным Ему», «причастником Ему». В таком случае человек должен идти путем Божественным, восприняв Его подвиг, не развивая своего самолюбия и многих земных недостатков. При этом, чтить Бога будет не тот, кто словами прославляет Его, а делами и страданиями служит Ему.

Богу присуще человеколюбие, несмотря на отступление человека от пути истинного. Но только тот по-настоящему предан Богу, кто идет Его путем, не взирая на все земные радости и соблазны. Духовное единение с Богом, духовное восхождение к Божественным вершинам и есть путь верующего человека, ибо никто «не может чисто служить (Богу), как совершенно очистив душу» (2, 255)...

Идея Бога самая главная и вдушая в христианстве, ибо держится она на идее любви: Бог и есть любовь. Тот же св. Максим Исповедник, пожалуй, полнее всего изложил христианское понимание любви к Богу. Причем, любовь, это не просто чувствования, как излагает современная наука, а «благое расположение души», что не знает ничего важнее познания Бога. Прийти к такому «расположению» невозможно, имея пристрастие к чему-либо земному.

К первым славянам-христианам идет идея всемогущей любви, возвышающей человека до божественного уровня, до познания истинного мира души. Для такого человека душа значимее тела, и несомненно лучше мира, создавший его Бог. Такая любовь рождается от бесстрастия ко всему земному. Страсть достойна порицания, как неестественное движение души. Душа будет чистой, только освободившись от страстей. Тогда она достигает мирного

состояния, в котором неспособна на зло. Гневающийся и злобный человек чужд любви, а чуждый любви – чужд Богу, поскольку Бог есть любовь. В этом плане важно знать, что злые помыслы лишают человека устремлений к Богу.

Любовь бывает нескольких видов: добродетельная любовь, как любовь к Богу, когда добродетельный любит всех, а все любят добродетельного; естественная любовь, как родители любят детей своих, а дети любят родителей; тщеславная любовь, когда хвалимый любит хвалящего; корыстная любовь, как бедный любит богатого за подачки; любовь по сластолюбию, из-за угоды чреву и тому, что под чревом. Первая из этих видов любви похвальна, вторая – обоюдна, все остальные – страстны, а потому неуютны Богу, – делает вывод святой.

Любовь к Богу обязательно проявляется в любви к другому человеку. Чувство любви к ближним весьма образно нарисовано святым Аввой Дорофеем. Он предлагает представить круг, из центра которого исходят радиусы-лучи. Эти радиусы, чем дальше идут от центра, тем больше расходятся и удаляются друг от друга; напротив, чем ближе подходят к центру, тем больше сближаются между собою.

Следует представить, что этот круг есть мир, середина круга – Бог, а прямые линии, идущие от окружности к центру (или от центра к окружности), это пути жизни людей. Насколько святые входят внутрь круга, приближаясь к центру, желая приблизиться к Богу, настолько они становятся ближе к Богу и друг к другу. Так же расценивается и удаление: когда удаляются от Бога, тогда же удаляются друг от друга. «Таково и свойство любви, – делает вывод святой, – насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними, и сколько соединяемся с ближними, столько соединяемся и с Богом» (3, 617).

Действительно, образ, нарисованный Аввой Дорофеем, прост, но достаточно ясно выражает идею, связывающую любовь к Богу с любовью к людям. Эта идея проходит, как говорится, «красной нитью» через все писания подвижников «Добротолюбия». Вот, например, мысли Ефрема Сириянина: «когда соединяемся друг с другом независтливостью, простотою, любовью, миром и радостью – преуспевание ближнего почитая собственным своим приобретением, а равно немощи и недостатки и скорби признавая собственным ущербом... сострадая друг о друге и особенно сильные о слабых и крепкие о немощных – тогда в состоянии будем исполнить закон Христов»... (3, 368).

А вот видение этой идеи подвижником св. Варсануфием: «Каждый по своей мере любит ближнего своего; мера же совершенной любви состоит в том, чтобы ради той любви, какую человек имеет к Богу, любить ближнего своего, как самого себя» (3, 579).

Еще одну идею христианства следует выделить как ведущую и значимую – это учение о душе и духе как проявлениях человеческой сущности. Человек, по утверждению св. Максима Исповедника, состоит из души и тела, а это приводит к тому, что в мире человеческом действуют два закона: закон плоти и закон духа.

Оба закона значимы, поскольку закон плоти имеет «действие чувственное», а закон духа – «мысленное или духовное». И далее раскрывается механизм действия этих законов. Закон плоти, проявляясь чувственно, связывается с веществом, т.е. имеет отношение только к человеческим естественным силам; закон духа, мысленно или духовно проявляясь, непосредственно производит единение с Богом. Единение с Богом имеет огромную силу. Применение этого закона ведет к тому, что свершаются самые необычные деяния, и здесь главная сила – сила Божия. Через веру, единение с Богом выполняется любое желание: «речет горе сей: преиди отсюда тамо, и преидет» (4, 17, 20).

Через чувственность в человеческое существо укореняется сила животности, чем отличаются многие люди, живущие только своей плотью. Дух же человека, идущий к Богу, вознаграждается разными дарами. Эти дары преподносятся соответственно вере и сущему в этом человеке душевному настрою.

Как один получает слово премудрости, другой слово разума, кто-то – веру, а тот – иное какое из дарований. Так, «один получает дар любви к Богу, другой – дар совершенной любви к ближнему, а иной получает дар по наличию особого Духа» (2, 263).

Авторы «Добролюбия» постоянно поучают своих подопечных навыкам укрощения плоти и развитию навыков воспитания души. В одном из высказываний св. Максима Исповедника утверждается, что душа имеет в себе три силы: мыслительную, деятельную (энергетическую) и желательную (2, 264). Уже здесь закладываются основы философии и психологии. При этом следует заметить, что понятия души и духа не идентичны, как это зачастую встречается в современной трактовке. Подвижники различали эти два понятия, причем душа – понятие гораздо шире духа, но дух возвышеннее души, ибо душа проявляет свойства человеческого мира, а дух – Божественного.

Духовное восхождение – имя того пути, которым шли подвижники, а в результате им открывались тайны души и тела, познания и деятельности, а также тайны Бытия. Понятие души тесно связано со всеми деяниями человека. Душа живет во всем многообразии человеческих проявлений. Она «есть обительница мира Божественного» (Феофан Затворник), а поскольку так, то она «по природе добра» (Ефрем Сириянин), в ней нет того зла, которое возникает потом: «Бог не есть творец зла» (бл. Диадок).

Вот она гуманистическая природа христианства, заложенная в философии подвижников. Душа в этом случае и есть хранилище всего человеческого, всего достойного его званию.

Борьба телесного и духовного – один из самых существенных видов верования истинного христианина. Этой проблеме посвящается немало мыслей подвижников, но всегда духовное должно торжествовать над телесным. «Страх за тело, – утверждает Исаак Сириянин, – бывает в людях столько силен, что, вследствие оно, нередко остаются они неспособными совершить что-либо достославное и досточестное. Но когда на страх за тело проникнет страх за

душу, тогда страх телесный изнемогает перед страхом душевным, как воск от силы пожигающего огня» (3, 650).

В связи с таким пониманием взаимодействия телесного и душевного начал в человеке христианская философия достаточно четко определяла путь духовного восхождения: «Пока внешний человек не умрет для всего мирского и также и внутренний человек для лукавых мыслей и не изнеможет естественное движение тела до того, чтобы не возбуждалась в сердце греховная сладость, дотоле и сладость Духа Божия не возбудится в человеке... Божественные мысли не войдут в душу его и пребудут неошутимыми и незримыми. И пока человек в сердце своем не приведет в бездействие попечения о житейском, кроме необходимых потребностей естества, и не предоставит заботиться о сем Богу, дотоле не возбудится в нем духовное упоение», – писал Исаак Сириянин (3, 706).

Все, имеющее отношение к духу, духовному, – утверждает пр. Никита Стифат, – является плодом Духа Святого, обитанием Бога. Дух проявляется в целом ряде добродетелей и ему свойственны: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание. Плод же противоположного духа есть ненависть, малодушие мирское, тревожность сердечная, лукавство, гнев, неверие, зависть, осуждение, надменность, гордость и др. (5, 120).

Важной чертой христианской философии является ее нравственно-созидательный характер. Основные черты таких особенностей христианства обобщены в высказывании пр. Никиты Стифата (5, 120).

Нравственно-созидательная душа – это прежде всего чистая душа, для которой свойственно «слово независтное, рвение незлобивое и рачение о славе Господа непрестающее», – утверждал блаженный Диалок (2, 17). В то же время одной чистоты души мало, необходимо веру соединять с делами. «Любящий Бога и верует искренно, и дела веры совершает преподобно... Только вера, любовью действующая (Гал. 5, 6) есть великая главизна добродетелей», – продолжает Диалок, ссылаясь на Библию.

Добродетели рассматривают и другие подвижники. Так, св. Максим Исповедник видит их в двух планах: душевном и телесном. Среди душевных он называет прежде всего такие, как любовь, великодушие, кротость, воздержание, молитва и др.; телесные: пост, бдение, служение, рукоделие и др. При исполнении названных добродетелей, например, по причине болезни, не удастся выполнить телесные, то верующий получает «нисходительное прощение от Господа», но если не исполняются душевные добродетели, то никакого извинения не будет.

Все добродетели приходят к человеку «из данных нам от Бога в употребление вещей». При определении характера этих вещей св. Максим Исповедник делает удивительно интересное открытие: одни из них находятся в душе, другие – в теле, а иные вокруг тела. «В душе – силы ее; в теле – чувства и прочие члены; окрест тела – пища, имение, деньги и пр.» Эти добродетели объективны. Они существуют, с ними ничего не поделаешь, а вот все остальное – умение ими пользоваться – зависит от человека: «Доброе или худое

пользовании теми вещами и бывающими из-за них случайностями является нас или добродетельными или порочными» (10, 191).

Всем добродетелям противостоят силы, уводящие в область безнравственных деяний. Среди них самое главное место принадлежит страстям. Страсть – это сила, которая в «Добротолюбии» рассматривается как одно из вернейших зол, сокрушающих дух и веру человека. «Нечиста страстная душа, наполненная помыслами похотными и ненавистливыми», – восклицает св. Максим Исповедник (2, 165). Любые проявления гнева, нанесение обиды, брань, мзда, сребролюбие, богатство – это лишь некоторые внешние отрицательные свойства человека, проявляющиеся в жизни. Они-то и являются началами страстей и зла. Но есть еще и внутренние, т.е. нравственные и духовные отступления, уводящие его от Бога. К ним причисляются такие, как самолюбие, гордыня, зависть, слава, слабость духа. Такому человеку мир преподносит огромное множество искушений, которые слабого человека уводят с пути истинного, а сильного еще больше укрепляют. К тем страстям и искушениям, которые уже названы, добавляются еще и другие: похоть, блуд, чревоугодие, но особенно сильной страстью считается страсть к женщине.

«Добротолюбие» учит распознавать страсти и искушения, ибо, чем сильнее оказывается им сопротивление, тем они яростнее нападают на человека. Источники искушений самые различные: иногда удовольствия, иногда печали, а иногда и телесные страдания. Роль искушений тоже различна. Некоторые из них «наводятся» «для изглаждения грехов прежде бывших, на других для прекращения ныне деемых, а на иных для предотвращения имеющих быть содеянными, кроме тех, кои бывают для испытания человека. И в этой ситуации христианство учит, как следует поступать тогда, когда появились искушения: не вини того, через кого пришло данное искушение, а ищи, для чего оно пришло. Если это будет соблюдено, то исправление придет как вознаграждение. При этом важно помнить, чем злонравнее твой путь, тем выше страдание, чтобы «смирн был им» и «изрыгнул ты гордость» (2, 185).

В зависимости от источников искушений приходит врачевание, смотря на причину, «в душе лежащую». В таком случае, избавление от страстей и искушений не всегда обязательно, поскольку не в вещах все зло, а в деяниях. Не пища – зло, а чревоугодие; не деторождение, а блуд; не деньги, а сребролюбие; не слава, а тщеславие. Значит, в сущем нет ничего злого, кроме злоупотребления, которое случается от нерадения ума о воздержании естества душевных сил и их добром исправлении.

Избавляются от страстей и искушений по-разному: одни из страха человеческого, другие из тщеславия, иные по воздержанию, а некоторые освобождаются от них делами Божьими. За все эти деяния приходит награда: за воздержание – бесстрастие, за веру – ведение. Бесстрастие рождает рассудительность, а ведение – любовь к Богу. Молитва и труд являются главными средствами освобождения от страстей и искушений.

Воздержание во всех случаях хорошее средство. Уметь сохранять бесстрастие очень важно. Можно научиться удерживать себя физически, но отрешиться от страстных помыслов гораздо важнее. Внешнего человека

сделать сдержанным легко, а вот внутреннего человека сделать таковым – это подвиг. И здесь значимы пути, которыми продвигается только верующий: первый приводит противоборствующего до умения «отличать добродетель от греха; второй помогает достигнуть добродетели» и делает ее неизменной и твердой; третий, преуспевая в добродетели, научается не очень возноситься и мудрствовать о себе; четвертый, познав грех, умеет совершенно избавиться от него; пятый, придя к бесстрастию, учится не забывать о своей немощи, с одной стороны, и о силе Божественной, с другой.

Не менее серьезным и важным средством борьбы с телесными страстями является труд. С ним рядом ставится активная деятельность любого рода, что в целом составляет понятие «добродетели». Значит, труд – деяние – добродетель и есть еще одна ниточка, связывающая телесные и душевные состояния верующего.

Побуждают человека к добродетели три начала: семена добра, таящиеся в самом человеке, истоком которых является природа; святые Силы, добрые произволения. «Семена природы, – когда, например, как желаем, чтобы с нами поступали люди, так и мы поступаем с ними; или когда видим человека в тесноте и нужде, и естественно милосерствуем о нем. Святые Силы, когда, чувствуя побуждение к доброму делу, обретаем (в себе) благое содействие, и успеваем. Наконец, доброе произволение, когда, различая добро от зла, избираем доброе», – писал св. Максим Исповедник (2, 183).

Подвижничество – возможный путь борьбы со страстями, он соединяет в себе все ступени достижения истинной любви. Здесь труд души и тела, здесь бесстрашие и воздержание, здесь терпение и любовь, т.е. все этапы настоящего послушника. Авторы «Добротолюбия», пройдя этот путь своими душой и телом, преподают многочисленные уроки служения добру и истине, которые не потеряли своего значения и до наших дней. Пусть этим путем может идти не каждый, даже искренне верующий. На такой подвиг готов только избранный Богом. Так было и со святыми, так было и с подвижниками, так было и с нашими русскими светочами духа – Сергием Радонежским, Серафимом Саровским, Иоанном Кронштадским, Иосафом.

Вера как явление души и духа является одной из самых значимых категорий человеческого плана. Ни одно животное не обладает верой, только человек. Причем, не столь важно – верующий или иной какой. Для верующего – это вера в Бога, для иного – вера в какие-то идеалы. Но без веры не может жить ни один человек. Лиши, например, любого веры в завтрашний день и получишь уныние, апатию и хаос. Только вера и становится тем стержнем, на котором держится дух человека. Вера является одной из трех главных добродетелей: «Бог от всякого человека ... требует следующих трех добродетелей: веры правды от души, целомудрия от тела и истины от языка» (5, 325).

В рассуждениях о благодати Божией св. Иоанна Кассиана содержатся мысли об одаренности и открытии этого дара: «Не должно думать, что природа человеческая способна к одному только злу. Творец вселял в души наши семена

всех добродетелей (в т.ч. дарований), но для возрастания их нужны воздействия со стороны Бога» (3, 128).

Вот оно, самое важное для воспитателей и педагогов путеводное указание: в души человеческие Богом уже вселены все добродетели. Наша задача задуматься над этой данностью: каждому все дано.

Педагог должен отыскать в душе ребенка ту данность, которую он получил от Бога; следуя же утверждению о всеобщности добродетелей, ему остается начинать свое дело с уверенностью, что все равно что-то да проявится, ибо все полностью зависит от «воздействия со стороны Бога».

Вот и вся премудрость воспитания или образования: рассчитывать не на учительские, а на Божественные силы. И только наделенный этой верой добьется желаемого результата.

При этом следует помнить, что одной из особенностей благодати Божией является то, что она всегда направляет волю нашу в добрую сторону, а от нас ожидаются соответствующие усилия. Отсюда вывод: нам нужно развивать желания делать добрые дела, а благодать придет. При этом, важно знать, что она всегда дается даром, потому что «за малые наши усилия воздается с безмерною щедростью» (3, 129).

Важным способом воспитания является молитва. Она значима потому, что с ее помощью можно ум увести от «страстных помыслов». «Ум получает страстные помыслы следующими тремя путями: через чувства, через состояние тела, через воспоминание». В этом случае молитва становится средством «совершенного освобождения ума от страстей», но для этого человек должен «молиться без развлечения», тогда и освобождается ум «от невоздержания и ненависти», «от забвения и неведения» (2, 190).

Есть два состояния чистой молитвы: одно случается с людьми жизни деятельной, другое – с людьми жизни созерцательной. Одно бывает в душе от страха Божия и благой надежды, другое от Божественной любви и крайней чистоты. Признак первой меры есть тот, когда собирают ум от всех мирских помыслов, творя молитвы без развлечения и смятения, и как бы Сам Бог предстал ему, как и предстоит действительно. Признак второй, – когда в самом устремлении молитвы ум бывает «восхищаем Божественным и безмерным светом, и совсем не чувствует ни себя, и ничего иного из сущих, кроме Единого, любовью содевающего в нем таковое озарение. В сем состоянии, подвизаемый к уразумению словес о Боге, получает он чистые и светлые о Нем познания» (2, 178).

Епископ Феофан Затворник, переводчик многих авторов «Добротолюбия» на русский язык необыкновенно ясно раскрыл понятие молитвы в таких словах: «Действие молитвы у святых отцов было признаком жизни духовной, и они именовали ее дыханием духа. Есть дыхание в теле – живет тело; прекратится дыхание – прекращается жизнь. Так и дух. Есть молитва – живет дух; нет молитвы – нет и жизни в духе» (6, 4).

Вот одна из великолепных молитв Ефрема Сириянина: *«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.*

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

В этой молитве классически соединились три главных смысла настоящей молитвы: а) признание Господа владыкой жизни человека, его всей сущью – телесной и духовной; б) утверждение, что человек без Божиего руководства грешен и несовершенен; в) просьба о даровании сил для исправления прегрешений и оказания помощи в достижении желаний, соответствующих христианской вере.

Однако мне не терпится показать, как эта молитва подвижника была услышана и переведена на русский язык А.С. Пушкиным:

«Владыко дней моих! Дух праздности унылой,

Любоначала, змеи сокрытой сей,

И празднословия не дай душе моей.

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья

Да брат мой от меня не примет осужденья

И дух смирения, терпения, любви

И целомудрия мне в сердце оживи».

Таким образом, сутью содержания христианского мирозерцания явились наиболее значимые положения: стремление к познанию идеи Бога, любовь к Богу и человеку, понятия души и духа, нравственность христианского верования. Не будь их – нет жизни. Стоило нашему народу на определенных этапах эгоистического самолюбования своими успехами и достижениями забыть об этих основах жизни, как наступил заслуженный результат – крах, умирание общества, оставшегося один на один с непознанными Законами Природы.

Начала христианского мирозерцания лежат, прежде всего, в воздержании от соблазнов, что приводит к бесстрастию, а от него к любви высшего уровня – любви-служению. Одним из важнейших средств шествия таким путем является труд, труд не только физический, но и труд души. Этот путь можно назвать телесным путем. Он в основном проходит физическим телом.

Наряду с этим есть еще путь духовного содержания. Истоком его является вера в Бога и Божию Благодать, что постигается благодаря совершенствованию ума. Познание Законов Бытия и таким образом накопление знаний ведет к мудрости, необходимой как для физической, так и духовной жизни. Молитва является одним из важных средств постижения Божественной мудрости, а сферой ее влияния признается сердце. Только через воспитание сердца возможно воспитание человека. Сердце является средоточием эмоционально-чувственной сути человека, жизненности изучаемых образов и знаний, что может стать задачей и примером для школьного образования.

Названные начала и истоки христианского мирозерцания даже на самом незамысловатом уровне создавали духовное энергетическое поле, которое аккумулировало вокруг себя соответствующие токи и постепенно преображало

окружающее пространство русского народа, его быта и воспитания. Элементы христианского духа пронзали пространство дел, слов, мыслей людей и становились образом их жизни. Здесь, естественно, сказывалось предшествующее энергетическое поле русского человека, поле его внутреннего мира, поле окружающей природы, но в любом случае, соприкосновение духовных полей расстоянию не остается бесследным, не проходит безрезультатно.

Это духовное поле христианского мирозерцания явно сказывалось на характере, особенностях русской школы последующих эпох. Мало того, что сказывалось, но обязательно и проявлялось.

Литература

1. Полное собрание русских летописей, изданных Историко-археологической комиссией АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1.
2. Добротолюбие. – Изд-во Святотроицкой Сергиевой лавры, 1992. Т. 3.
3. Добротолюбие. – Изд-во Святотроицкой Сергиевой лавры, 1992. Т. 2.
4. Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1991.
5. Добротолюбие. – Изд-во Святотроицкой Сергиевой лавры, 1992. Т. 5.
6. Епископ Феофан. Четыре слова о молитве. – М., 1904.

Ермолова О.И.

Белгородский индустриальный колледж

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ДУХОВНОГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Легко выступать, когда видны результаты возрождения православной культуры. Наша конференция этому подтверждение. Особенно приятно, что она посвящена такой личности, как Святитель Иоасаф. У этого человека мы учимся, сами и учим других любви к ближнему, стойкости духа, нравственной чистоте, верности долгу и правде, помощи слабым.

Приятно, что с каждым годом пробуждается в народе понимание принадлежности к православной культуре, возрождается интерес к её традициям. В истории России были смутные периоды, войны, но русский народ всегда преодолевал их, обращаясь к Православию. И в настоящее время Церковь помогает нам выходить из трудных ситуаций через оздоровление нравственности.

Ярким примером этому является введение в образовательную систему курса «Основ ценности православия», где молодое поколение получает общие представления о православной культуре, знакомится с духовными основами жизни своего народа, познает своеобразие духовного пути России, её культурного развития.